

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.149-155

В. И. Пржиленский\*

## На пути к когнитивно-цифровой концептуализации понятия факта<sup>1</sup>

**Аннотация.** В статье изучается проблема определения понятия факта в условиях цифровизации реальности, последовательно рассматриваются этапы становления данного понятия и зависимость соответствующих данным этапам концептуализаций от философских и научных теорий, а также от потребностей практического их использования. Анализу подвергаются достоинства и недостатки рассмотрения фактов в горизонтах классической и неклассической эпистемологии, в контексте физической и социологической теории, а также в разнообразных практиках, связанных с использованием IT-технологий. Подробно исследуются лингвистический, перцептивный и материально-практический компоненты понятия факта в современной науке и технологии обработки цифровой информации.

Автор резюмирует, что цифровизация детерминирует совершенно новые трудности для определения понятия факта как в нормотворческих, так и в правоприменительных практиках. С новыми трудностями рождаются новые возможности для переосмысления самого концепта факта и всего относящегося к сфере фактического. Когнитивные науки позволяют применять теоретико-информационные модели для объяснения процессов мышления и деятельности. Исследователи в сфере когнитологии не довольствуются абстракциями, когда вещи и явления намеренно вырываются из ситуации, из реальной жизни, из взаимодействия с людьми и иными вещами, из контекста, так как в этих условиях восприятие и описание становится ограниченным и непродуктивным. Однако есть и существенное отличие: произошедшие события, ситуации, сценарии рассматриваются как сложные и даже уникальные. Их недостаточно заметить, зафиксировать: факты нуждаются в операционализации, то есть в подготовке к обработке компьютерными системами, построенными с применением искусственного интеллекта. Операционализация должна быть достаточной для того, чтобы компьютер мог осуществить не только распознавание фактов, но и имитировать их объяснение и даже понимание.

**Ключевые слова:** факт; эмпирический факт; фактичность; эпистемология; язык; деятельность; цифровая реальность; концептуализация.

**Для цитирования:** Пржиленский В. И. На пути к когнитивно-цифровой концептуализации понятия факта // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 149–155. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.149-155.

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Пржиленский В. И., 2022

\* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

viprzhilenskij@msal.ru

## On the Way to Cognitive-Digital Conceptualization of the Concept of Fact<sup>2</sup>

**Vladimir I. Przhilenskiy**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)  
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993  
viprzhilenskij@msal.ru

**Abstract.** The paper studies the problem of defining the concept of fact in the conditions of digitalization of reality, consistently examines the stages of the formation of this concept and the dependence of conceptualizations corresponding to these stages on philosophical and scientific theories, as well as on the needs of their practical use. The advantages and disadvantages of considering facts in the horizons of classical and non-classical epistemology, in the context of physical and sociological theory, as well as in various practices related to the use of IT technologies are analyzed. The linguistic, perceptual and material-practical components of the concept of fact in modern science and technology of digital information processing are studied in detail.

The author summarizes that digitalization determines completely new difficulties for defining the concept of fact in both rule-making and law enforcement practices. With new difficulties, new opportunities are being born for rethinking the concept of fact itself and everything related to the sphere of fact. Cognitive sciences allow the use of information-theoretical models to explain the processes of thinking and activity. Researchers in the field of cognitive science are not content with abstractions, when things and phenomena were deliberately pulled out of the situation, out of real life, out of interaction with people and other things, out of context, because in these conditions perception and description becomes limited and unproductive. However, there is also a significant difference: the events that have occurred, situations, scenarios are considered as complex and even unique. It is not enough to notice them, to fix them: the facts need to be operationalized, that is, in preparation for processing by computer systems built with the use of artificial intelligence. Operationalization should be sufficient so that the computer can not only recognize facts, but also simulate their explanation and even understanding.

**Keywords:** fact; empirical fact; facticity; epistemology; language; activity; digital reality; conceptualization.

**Cite as:** Przhilenskiy VI. Na puti k kognitivno-tsifrovoy kontseptualizatsii ponyatiya fakta [On the Way to Cognitive-Digital Conceptualization of the Concept of Fact]. *Lex russica*. 2022;75(11):149-155. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.149-155. (In Russ., abstract in Eng.).

Экспликация понятия факта — одна из самых сложных задач современной философии и науки. От успешного ее решения в немалой степени зависит и нормотворчество, и правоприменительные практики. Слово «факт» этимологически восходит к латинскому слову *factum* и означает «сделанное» или «совершившееся». В философском словаре данное понятие определяется как синоним сразу трех понятий: истина, событие, результат. Факт мыслится здесь как нечто реальное в противоположность вымышленному и как нечто конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего<sup>3</sup>.

Отдельной темой проходит интерпретация понятия факта в эпистемологии и философии науки, где введение данного термина объясняется необходимостью выделения особого рода предложений, фиксирующих эмпирическое знание, в противовес знанию гипотетическому и теорети-

ческому. Таким образом, определение понятия факта ставится в зависимость от совокупности явных или неявных онтологических допущений, а также от выбора эпистемологии, что приводит к спору фактуалистов (эмпиристов) и теоретиков (рационалистов): первые утверждают, что факт не зависит от теории, а другие отрицают это. «Факт, — пишет А. Л. Никифоров, — является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которой детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие — особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования»<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

<sup>3</sup> Никифоров А. Л. Факт. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHf387ceeb8335fb490106f3> (дата обращения: 01.10.2022).

<sup>4</sup> Никифоров А. Л. Факт. Новая философская энциклопедия.

Такова лабораторно-кабинетная трактовка понятия факта, которая соответствует классической эпистемологии: ученый фиксирует факты, полученные в процессе его взаимодействия с реальностью, чтобы составить из них новую теорию, но при этом он руководствуется прежней теорией. Именно так возникает идея диалектического единства теоретического и фактического, которая усложняется фактором материально-практического преобразования мира. Тем же А. Л. Никифоровым утверждается трехкомпонентная концепция факта — факт определяется как сложное явление, в структуре которого можно выделить лингвистический, перцептивный и материально-практический компоненты<sup>5</sup>.

Вместе с тем развитие естествознания, а затем и социальных наук приводит к еще одному расширению понятия факта. Не одно-единственное явление, но также и повторяющееся, закономерное, законосообразное явление заносится в разряд фактов. Так, например, кипение воды при определенной температуре или реакция общества на действия индивида хорошо известны и предсказуемы, что в первом случае позволяет физикам, а во втором — социологам считать их фактами. Э. Дюркгейм назвал социальным фактом способ действия, оказывающий на индивида внешнее принуждение. «Существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, смотря по времени и стране, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее сильной производительности и т.п. Это, очевидно, социальные факты», — писал он<sup>6</sup>.

Эти споры ведутся со времен научной революции Нового времени. Они вряд ли были бы понятны древнегреческому философу, древнеримскому судье или средневековому теологу, обсуждавшим вопросы доказательства, достоверности, непосредственного знания. Древнеримскому судье, как и судье современному, важно было установить — сделал или не сделал ответчик то, что делать запрещает закон. Но древнеримский судья жил в мире вещей, он, как и обвиняемый, мог что-то сделать с вещами, в том числе и с говорящими вещами,

то есть рабами. Он мог что-то сделать с другими людьми, которые могли быть гражданами, он мог нанести им ущерб словом или делом, причем слово в этом случае считалось равновидностью дела. Мир вещей и поступков (дел, деяний) и регулировался законом, а из знания о вещах и поступках по законам логики можно было сделать вывод об отношении факта и нормы — факт подводился под норму.

Проблемы начались тогда, когда всё царство идей «упало на землю». Это произошло тогда, когда Декарт перенес *subectum* из мира вещей и поступков в мир человеческой души, которая мгновенно превратилась в сознание, в «я», в бесконечную и, как позднее выяснилось, абсолютно непрозрачную человеческую субъективность. Именно там, в глубинах познающего субъекта, сегодня происходит смешение чувственных образов и логических форм, эмпирических данных и рациональных схем. А в познаваемом объекте в то же время вещи и поступки, доступные наблюдению, смешиваются, в том числе и произвольно, с результатами измерений и экспериментов, что также невозможно без взаимного влияния теоретического и эмпирического. И вот уже судья, не дожидаясь, когда разрешат свои сомнения философы, сам отделяет факт, который считает независимым от своего сознания, от факта, получение которого этим самым сознанием обусловлено. Так факты, собранные в лаборатории и подвергнутые обобщению, позволяют выдвинуть гипотезу, которая, будучи подвергнутой проверке и успешно пройдя ее, превращается в теорию.

Понятие факта было переосмыслено в неклассической эпистемологии. «Мир, — утверждал Л. Витгенштейн, — это совокупность Фактов, но не Вещей. В этом афоризме Витгенштейн также противоречит здравому смыслу, в соответствии с которым мир скорее как раз совокупность вещей... если Мир — всё то, чему случается быть, то это скорее Факты, а не Вещи. По Витгенштейну, реально существуют не вещи, а Вещи в их соединении с другими Вещами: это и есть Факты»<sup>7</sup>. Именно так рождается лингвистический компонент понятия факта, о котором писал А. Л. Никифоров.

<sup>5</sup> Никифоров А. Л. Философия науки : История и методология : учебное пособие. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 156.

<sup>6</sup> Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. М., 1996. С. 259.

<sup>7</sup> Витгенштейн Л. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. С. 20–21.

Философские идеи Л. Витгенштейна, легшие в основу аналитической философии, называют лингвистическим поворотом, хотя переосмысление роли языка характеризует и две другие крупнейшие философские традиции XX в.: феноменолого-герменевтическую и прагматическую. В немецкой философии появилось понятие фактичности, ставшее популярным благодаря работам М. Хайдеггера, одна из которых называлась «Онтология. Герменевтика фактичности»<sup>8</sup>. Выстраивая концептуальную оппозицию фактичности (Faktizität) и логичности (Logizität), основоположник экзистенциализма стремится прояснить отношение между жизнью и теорией, существованием и сущностью, изменчивым и неизменным. Фактичность мыслится здесь как нечто временное, случайное, индивидуальное, конкретное и неповторимое, в противовес вневременному, необходимому, универсальному.

Феноменологический поиск досубъективного и допредикативного, приводящий к понятию экзистенции, долгое время казался философской инициативой, направленной на прояснение смысловых коллизий. Но позднее обнаружилось, что развитие трансцендентальной феноменологии, фундаментальной онтологии или философской герменевтики имеет практическое применение в когнитивных науках. Особое значение тема противопоставления фактичности и логичности как дихотомии существования и сущности приобрело в условиях цифровизации. «Цифровой универсум, — пишет К. А. Очеретяный, — возвращает лицо, возвращает актуальный опыт не как опыт вещей, но как опыт согласия о вещах: знание явления в цифровой среде оказывается уже не столько явлением знания — дискурсивной системы координат, учреждаемой экспертными сообществами, сколько проявлением допредикативной ориентации, бытийных установок, экзистенциальной настроенности. Факт утверждается специалистами, фейк создается ради провокации или наживы, фейк не позво-

ляет очистить вещь от ложных наслоений, но эти наслоения и не являются в полном смысле слова ложными, скорее это след фантазии, ведущий в досубъективное, в допредикативное, экзистенциальное»<sup>9</sup>.

Спустя полвека, в рамках развития теории коммуникативного действия и объяснения с ее помощью сферы права, Ю. Хабермас противопоставит фактичности не логичность, а значимость (Geltung)<sup>10</sup>. Лингвистический поворот дополняется здесь прагматическим — факты мыслятся как нечто, рождаемое, фиксируемое и интерпретируемое в процессе коммуникации, то есть в результате действий и взаимодействий коммуницирующих друг с другом индивидов. Обращение к стихии коммуникации позволяет Ю. Хабермасу преодолеть заложенное еще Платоном и поддержанное Кантом удвоение мира, разделяющее его на мир чувственный (мир вещей, сферу фактического и действительного) и умопостигаемый (мир идей, сферу логического и нормативного). Как отмечает А. В. Денежкин, «напряжение между идеей и фактом оказывается тем самым инкорпорированным в реальную ткань языка... из которой уже никак нельзя вычлесть аналитико-лингвистические компоненты. Подобно практическому разуму, коммуникативная рациональность имеет некоторое нормативное содержание»<sup>11</sup>.

Идеальные содержания буквально вплетены в ткань языка, сама лингвистическая структура конкретных выражений языка способствует пониманию идеализаций, при помощи которых передаются пропозиции и диспозиции содержания описываемых явлений действительности. «Мир как совокупность возможных фактов, — отмечает А. В. Денежкин, — не просто репрезентирует себя в языке. Скорее он конституирует себя с помощью языка для некоторого сообщества интерпретаторов, члены которого, коммуницируя, пытаются достичь взаимопонимания и рационального согласия. В соответствии с этой моделью, если кто-то выдвигает некое утверждение, то тем самым он требует

<sup>8</sup> Михайлов И. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М. : Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.

<sup>9</sup> Очеретяный К. А. От факта к фейку: трансформация опыта в цифровой реальности // Технологос. 2019. № 4. С. 46.

<sup>10</sup> Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Fr. a. M. : Suhrkamp, 1992.

<sup>11</sup> Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, ИФРАН, 1995. С. 185.

признания этого утверждения истинным (нормативно правильным, экспрессивно верным) со стороны других участников коммуникации»<sup>12</sup>.

Не менее интересен подход когнитивных наук, в частности лингвистики, где показывается, как метафоры влияют на значения слов, а значит, и на их последующую концептуализацию. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят примеры участия слова «факт» в различных речевых оборотах и предложениях, что отражается затем на их концептуализации. Например, быть фактом может означать «выполнять функции строительного материала». То есть быть пригодным для построения какой-либо логико-смысловой конструкции, например доказательства: «Нам необходимы еще факты, или аргументация развалится»<sup>13</sup>. Или выполнить функции строительного блока для теории: «Эти факты представляют собой кирпичи и строительный раствор для моей теории. Здесь ссылка делается на внешний каркас, в то время как метафора “теории — это строения” в обычном случае не предполагает упоминания использованных материалов»<sup>14</sup>. Как здесь не вспомнить афоризм Л. Витгенштейна: значение слова — это его употребление.

То, что в классической эпистемологии называется фактом, в когнитивных науках чаще всего именуют сущностью. У. Матурана описал процесс познания как биологический, один из вариантов (или элементов) процесса адаптации живого организма к окружающей среде. Наблюдатель должен обладать способностью взаимодействовать с наблюдаемой сущностью и с отношениями последней. Эти два элемента — сущность и отношения сущности с другими сущностями — образуют неразрывное единство. «Для наблюдателя сущность, — пишет У. Матурана, — является сущностью, когда он может описать ее. Описать — значит перечислить актуальные и потенциальные взаимодействия и отношения описываемой сущности. Поэтому описать какую-либо сущность наблюдатель может лишь в том случае, если имеется, по крайней мере, еще одна сущность, от которой он может отличить первую, имея возможность наблюдать взаимодействия или отношения между ними. На роль второй сущности, являющейся для опи-

сания референтной, годится любая сущность, однако в пределе референтной сущностью для любого описания является сам наблюдатель»<sup>15</sup>.

О том, что мир вокруг нас сложен, говорить излишне. Но человеческое мышление со времен ранних древнегреческих натурфилософов стремилось справиться со сложностью путем редукции сложного к простому. Отсюда их поиски «архэ» и «фюсис», завершавшиеся умо-зрительными открытиями первоосновы, будь то вода, огонь или число. Ньютону, Лейбницу и Декарту удалось построить математические модели, сводящие физически неравномерное к алгебраически равномерному, геометрически неправильное к геометрически правильному и т.д. Все теории строились на основе обобщений и абстрагирования, цель которых — сведение многообразия к единству. Но компьютер требует умения предоставлять ему всю информацию и алгоритмы ее обработки, компенсирующие его неспособность к абстрагированию, объяснению, пониманию. Реальность по-прежнему едина, но, если она является цифровой, она уже неоднородна и ее единство не отменяет уникальности составляющих ее элементов. Эта реальность не описывается более дифференциальными уравнениями в частных производных, она сложна, многомерна и многообразна. «Важнейшим фактором сложности, — отмечает О. А. Гримов, — эмпирического изучения цифровой реальности является стремительная гибридизация онлайн- и офлайн-среды, граница между которыми стремительно размывается (например, в формате дополненной реальности). В результате формируется единое цифровое пространство, которое становится источником уникального социального, культурного и экзистенциального опыта пользователя. В этом аспекте перспективным является смещение акцента на изучение оставляемых в данном пространстве “цифровых следов”, уже не воспринимаемых как виртуальные»<sup>16</sup>.

По мнению автора, при изучении цифровой реальности на первый план выходят такие методологические новинки технологии анализа, как Big Data и «нереактивные методы», позволяющие совершенно по-новому взглянуть на

<sup>12</sup> Денежкин А. Указ. соч. С. 185.

<sup>13</sup> Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 75.

<sup>14</sup> Лакофф Дж., Джонсон М. Указ. соч. С. 90.

<sup>15</sup> Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996. 416 с.

<sup>16</sup> Гримов О. А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50.

цифровые следы, с полным основанием относя их к сфере фактического. Именно так можно эксплицировать понятие факта в условиях перехода от обычной к цифровой реальности — фактом здесь может быть как собственно физический, так и информационный след. Понятие «нереактивные» применительно к методам наблюдения за поведением людей, их мыслями и действиями впервые применили Е. Узбб, Д. Кемпбелл и Р. Шварц. Под нереактивными методами они понимали негласную работу с документами и иной информацией, способной рассказать об интересующем наблюдателя индивиду, о его действиях, намерениях, интересах и предпочтениях<sup>17</sup>. Позднее Р. Ли заинтересовался ненавязчивыми (Unobtrusive) методами, это произошло спустя четыре десятилетия, т.е. в эпоху Интернета. Данный исследователь обратил внимание на способ, который он называет «инвентаризацией данных». Перед тем как информация вводится в компьютер, она проходит некую каталогизацию, но впоследствии, перед поиском определенной суб-информации, необходимо ре-каталогизировать ее, что и будет иметь смысл инвентаризации. «Хотя термин “инвентаризация”, — пишет Р. Ли, — до сих пор иногда используется для обозначения набора элементов, составляющих психометрическую шкалу, методы такого рода сегодня встречаются редко. Если они вообще выживают, то в виде временных бюджетов. Инвентаризация, используемая для сбора данных, громоздка и часто отражает довольно атеоретическую тенденцию к накоплению фактов. Более распространенное использование инвентаря состоит в том, чтобы перечислить в легкодоступной форме ресурсы различных видов. Появление Интернета, например, породило ураган инвентаризации в печатных и онлайн-овых списках рассылки, группах новостей и веб-сайтах»<sup>18</sup>.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что цифровизация создает совершен-

но новые трудности для определения понятия факта как в нормотворческих, так и в правоприменительных практиках. Но вместе с новыми трудностями рождаются и новые возможности для переосмысления самого концепта факта, а также всего относящегося к сфере фактического. Когнитивные науки (cognitive science) — это вновь возникшие области междисциплинарного исследования, позволяющие применять теоретико-информационные модели для объяснения процессов мышления и деятельности. В создании когнитологии приняли самое активное участие специалисты в области эпистемологии, когнитивной психологии, лингвистики, психолингвистики, психофизиологии, нейробиологии и компьютерных наук. Занимающиеся развитием когнитивных наук исследователи не довольствуются абстракциями, когда вещи и явления намеренно вырываются из ситуации, из реальной жизни, из взаимодействия с людьми и иными вещами, из контекста. В этих условиях восприятие и описание становится ограниченным и непродуктивным. Последнее характерно скорее для теоретической репрезентации или для музейно-коллекционного хранения, не говоря уж о собранных на месте преступления и помещенных в сейф доказательствах. Понятие факта как будто возвращается к исходному древнеримскому значению — «сделал / не сделал» или «произошло / не произошло». Однако есть и существенное отличие: произошедшие события, ситуации, сценарии рассматриваются как сложные и даже уникальные. Их недостаточно заметить, зафиксировать, «схватить» — факты нуждаются в операционализации, то есть подготовке к обработке компьютерными системами, построенными с применением ИИ. Операционализация должна быть достаточной для того, чтобы компьютер мог осуществить не только их распознавание, но и имитировать их объяснение и даже, насколько это возможно, — понимание.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Витгенштейн Л. Избранные работы. — М. : Территория будущего, 2005.
2. Гримов О. А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2019. — № 3. — С. 42–50.

<sup>17</sup> Дудина В. И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 21–30.

<sup>18</sup> Lee R. M. Unobtrusive methods in social research. Buckingham/Philadelphia : Open University Press, 2000.

3. Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. — М. : КАМІ, ИФРАН, 1995. — С. 181–209.
4. Дудина В. И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. — 2016. — № 9 (389). — С. 21–30.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. — М., 1996. — С. 256–309.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
7. Матурана У. Биология познания / Язык и интеллект. — М. : Прогресс, 1996. — С. 95–142.
8. Михайлов И. Ранний Хайдеггер : Между феноменологией и философией жизни. — М. : Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги, 1999. — 284 с.
9. Никифоров А. Л. Факт. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М. : Мысль, 2010. — 744 с.
10. Никифоров А. Л. Философия науки : История и методология : учебное пособие. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. — 280 с.
11. Очеретяный К. А. От факта к фейкту: трансформация опыта в цифровой реальности // Технологос. — 2019. — № 4. — С. 34–48.
12. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. — Fr. a. M. : Suhrkamp, 1992. — 704 S.
13. Lee R. M. Unobtrusive methods in social research. — Buckingham/Philadelphia : Open University Press, 2000. — 169 p.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2022 г.

## REFERENCES

1. Wittgenstein L. Izbrannyye raboty [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
2. Grimov OA. Tsifrovaya realnost: sotsialnaya ontologiya i metodologiya empiricheskogo izucheniya [Digital reality: Social ontology and methodology of empirical study]. *Slozhnost. Razum. Postneklassika [Complexity. Mind. Postnonclassics]*. 2019;3:42-50. (In Russ.).
3. Denezhkin A. «Faktichnost i znachimost» Yu. Khabermasa: novye issledovaniya po teorii prava i demokraticeskogo pravovogo gosudarstva [«Facticity and significance» by Y. Habermas: New studies on the theory of law and the democratic rule of law]. In: Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost: Moskovskie lektzii i intervyyu. [Democracy. Mind. Morality. Moscow lectures and interviews]. Moscow: KAMI, IFRAN Publ.; 1995. Pp. 181–185. (In Russ.).
4. Dudina VI. Tsifrovyye dannyye — potentsial razvitiya sotsiologicheskogo znaniya [Digital data — the potential for the development of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2016;9(389):21-26. (In Russ.).
5. Durkheim E. Metod sotsiologii [Method of sociology]. *Zapadno-evropeyskaya sotsiologiya XIX — nachala XX veka [Western European sociology of the 19th — early 20th century]*. Moscow; 1996. Pp. 256–309. (In Russ.).
6. Lakoff J, Johnson M. Metaforyy, kotoryymi my zhivem [Metaphors that we live by]. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2004. (In Russ.).
7. Maturana U. Biologiya poznaniya [Biology of cognition]. In: Yazyk i intellekt [Language and Intelligence]. Moscow: Progress Publ.; 1996. Pp. 95–142. (In Russ.).
8. Mikhaylov I. Ranniy Khaydegger: Mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni [Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life]. Moscow: Progress-Tradition; Dom intellektualnoy knigi Publ.; 1999. (In Russ.).
9. Nikiforov AL. Fakt. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. [Fact. The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow: Mysl Publ.; 2010. (In Russ.).
10. Nikiforov AL. Filosofiya nauki: Istoriya i metodologiya: uchebnoe posobie [Philosophy of Science: History and Methodology: A textbook]. Moscow: Dom intellektualnoy knigi Publ.; 1998. (In Russ.).
11. Ocheretyanyy KA. Ot fakta k feyktu: transformatsiya opyta v tsifrovoy realnosti [From fact to Feikt: The transformation of experience in digital reality]. *Tekhnologos*. 2019;4:34-48. (In Russ.).
12. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Fr. a. M.: Suhrkamp; 1992.
13. Lee RM. Unobtrusive methods in social research. Buckingham/Philadelphia: Open University Press; 2000.